

GRISHENKO L.N.

EVIDENCES OF ALAPAYEVSK TRAGEDY (1918) IN KRASNOYARSK LOCAL LORE
MUSEUM FUNDS

Л.Н. ГРИЩЕНКО

СВИДЕТЕЛЬСТВА АЛАПАЕВСКОЙ ТРАГЕДИИ 1918 Г. В ФОНДАХ КРАСНОЯРСКОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Annotation / Аннотация

The abdication Nicholas II didn't rescued Russia from the revolution and Civil war, and his family from death. Almost in half a year 18 representatives of Romanov dynasty were killed or shoot. Six of them were killed in Alapayevsk. Krasnoyarsk museum funds keep the evidences of this tragedy - copies of protocols and reports on the investigation procedure addressed to the Commander of the Reserve battalion of the Siberian provisional government Colonel Smolin.

В статье анализируется проблема отречения от престола Николая II, что, по мнению автора, не спасло Россию от революции и Гражданской войны, а его семью и близких от гибели. Немногим больше, чем за полгода были расстреляны и убиты восемнадцать представителей династии Романовых. Шестеро из них были убиты в Алапаевске. В фондах Красноярского краеведческого музея хранятся свидетельства этой трагедии - копии документов, адресованных полковнику войск Временного Сибирского правительства И.А. Смолину.

Keywords / Ключевые слова

Source, The House of Romanov, Russian Civil war. Alapayevsk tragedy. Источник, династия Романовых, Гражданская война в России, Алапаевская трагедия 1918 г.

ГРИЩЕНКО Людмила Николаевна – старший научный сотрудник отдела истории Красноярского краевого краеведческого музея, г. Красноярск; 8-902-911-11-11; gln@kkkm.ru

Четыреста лет назад в Москве был созван Земский собор, чтобы положить конец великой смуты на Руси избранием нового царя. В 1613 г. Михаил Романов стал основателем новой правящей династии. За четыре столетия в ее историческую канву вплетено множество сюжетов – известных и не очень, тайных и явных, славных и трагических. Особый интерес исследователей в последние десятилетия вызывает фигура Николая II, участь его семьи и близких. Что послужило причиной столь трагического завершения правления династии, личность Николая II или стечение неблагоприятных ситуаций внутри страны и на международной арене?

В советский период тема была практически закрыта для исследователей – отсутствие литературы, ограниченный доступ к источникам. Если в первые годы советской власти еще была возможность воспользоваться источниками, то со временем источниковая база была просто вычищена от документов «искажающих советскую действительность», «пропагандирующих деятелей белогвардейского движения, троцкизм» и содержащих прочую «идеологическую заразу». Документы либо подлежали уничтожению, либо выводилась из доступного фонда в фонды «спехранения». Однако наши предшественники, работающие в архивах, музеях, библиотеках, далеко не всегда слепо следовали «директивам свыше». Нежелательный материал вкладывали в папки с документами по другим темам, в подшивки газет и т.п.

В фондах Красноярского музея среди прочих документов сохранилось «Письмо начальника милиции Алапаевского района, Пермской губернии (в копии на имя начальника штаба 4 стр. дивизии войск сиб-го прав-ва от 18 октября 18 г. за № 117, с письменным материалом, в копиях по делу о быв. великих князьях» . Документы были внесены в инвентарную книгу приблизительно в 1936 – 1939 гг. В записи отсутствует как время поступления, так и источник. В годы Великой Отечественной войны в здании музея размещались эвакуированные в Красноярск организации Главсевморпути. Экспозиции были свернуты, экспонаты и документы упакованы. После войны, когда приступили к восстановлению экспозиций, сверке экспонатов и разбору документов, было решено провести переинвентаризацию музейного фонда. Большая часть документов со старыми номерами была внесена в новые инвентарные книги, уже под другим шифром, но документы, «искажающие советскую действительность» и т.п. в эти книги не вошли. Часть старых книг была выведена из документального оборота. Напротив многих документов, нежелательной политической окраски, стоит отметка красным карандашом «изъято».

Таким образом, в новые инвентарные книги «Материалы о великих князьях» не вошли и были кем-то заботливо вложены в подшивки старых газет, где и были обнаружены при разборе периодических изданий. Обнаруженные документы представляют собой 24 рукописных листа, исписанных простым карандашом с двух сторон. Это копии с материалов расследования убийства в Алапаевске членов императорской фамилии.

извлечения тел из шахты, с описанием состояния трупов, одежды. Дан подробный перечень всех документов и предметов, обнаруженных при казненных:

«Около двух часов дня отрыт труп, который по метке на белье и вещах оказался б. Великой княгини Елизаветы Федоровны.

На шее:

1. На простой ленте перламутровые – образок овальной формы и крестик
2. На цепочке из крестиков кипарисового дерева – металлический крестик среднего размера.
3. Такового же размера металлический крест на металлической цепочке.
4. На груди, завернутая в вощеную бумагу и мешочек с лентой через шею, массивный, среднего размера, образ Спасителя, усыпанный драгоценными камнями, на обратной стороне которого на бархатной, вишневого цвета рамке, золотая пластинка с надписью: «Вербная суббота 18 апреля 1891» .

Первоначально медико–полицейское вскрытие было проведено только в отношении Ф.С. Ремеза. По остальным погибшим были составлены протоколы наружно–милицейского осмотра. Впоследствии, по настоянию следователя И.А. Сергеева, тела были эксгумированы, и 26 октября [1918 г.] было проведено судебно–медицинское вскрытие всех погибших. Это было необходимо для установления или опровержения [того] факта, что казненные сброшены в шахту живыми.

Поскольку судебно–медицинские вскрытия были осуществлены только 26 октября, то протоколов вскрытия в деле нет. Документы Шмаков отправил Смолину уже 19 октября 1918 г., сразу после похорон алапаевских пленников.

Чтобы ввести читателей в курс тех далеких, трагических событий, необходимо небольшое отступление. Как известно, вскоре после отречения от престола Николай II и его семья были арестованы. Горечь этого события звучит в стихах погибшего в Алапаевске молодого поэта Владимира

Павловича Палея:

В дни революции (из дневника В. Палея – февраль – март 1917 года)

Свинцовая гроза неслышно нарастала

Над всей страной,

И в пору зимнюю в России душно стало,

Как в летний зной...

Воззваниям и мольбам внимали равнодушно,

Сгущалась тень...

И в пору снежную России стало душно,

Как в летний день...

К чему, к чему тогда, когда еще святыни

Не пали в прах,

Ты чують не хотел заботливой кручины

Ни в чьих словах?

Зачем на речь друзей Ты хмурился сурово,

Зачем скажи,

Не различал тогда Ты вещей правды слово

От слова лжи?

Ты мог еще спасти хотя бы луч нетленный,

Мечту венца,

И росчерком пера завоевать мгновенно

Врагов сердца!

А ныне - произвол без совести и страха

Кругом - пустырь,

И ниже кажется без шапки Мономаха

Наш богатырь.

Владимир Палей

Какое-то время ближайшие родственники Николая II пользовались относительной свободой. В их числе и те, которые впоследствии были убиты или расстреляны. Свидетельства этой «относительной свободы» подтверждают документы, обнаруженные при убитых в Алапаевске. (Тексты документов внесены в протоколы, которые были составлены во время извлечения тел из шахты).

«Удостоверение, выданное Министром Князем Львовым ...мая 1918 г. № 1793 на имя князя Игоря Константиновича на право проживания в пределах Финляндии» .

«Постоянное разрешение на въезд и выезд жителя Царского села Владимиру Павловичу Палею, выданное чрезвычайной комиссией по разгрузке Петрограда 21–го февраля 1918 г. № 643» . «Свидетельство, выданное Временным комитетом Государственной думы 8 марта 1918 г. на имя Игоря Константиновича на право свободного проезда и проживания в г. Петрограде и его окрестностях» .

10 марта 1918 года председателем Петроградской ЧК был назначен М.С. Урицкий. А уже 11 марта им был подписан приказ, согласно которому все члены «эксимператорской семьи», а также все родственники их, близкие и дальние, обязаны были незамедлительно явиться в Петроградскую чрезвычайку по адресу – ул. Гороховая д. 2 .

Со всех Романовых была взята подписка о невыезде и их отпустили по домам. «Нас всех это страшно встревожило, – пишет в своих воспоминаниях Антонина Рафаиловна, жена князя Гавриила Константиновича, - и мы терялись в догадках, но скоро все разъяснилось: появился новый декрет — в течение трех дней все Романовы должны были явиться в комиссию для получения инструкций по поводу высылки их из Петрограда. Порядок высылки был установлен следующий: великие князья Николай Михайлович, Дмитрий Константинович и Павел Александрович должны были выехать в Вологду, Иоанн, Гавриил, Константин и Игорь Константиновичи, Сергей Михайлович и князь Палей – в Вятку или Пермь. Из Москвы великая княгиня Елизавета Федоровна и из Финляндии великий князь Георгий Михайлович, арестованный там же, должны были присоединиться к высылаемым» .

У Владимира Палей была возможность сохранить свою жизнь, отказавшись от отца,

Павла Александровича Романова. Урицкий поставил его перед выбором – он будет свободен, если откажется от отца. В противном случае он со всеми Романовыми следует в ссылку. Владимир выбрал ссылку. В описи документов, обнаруженных при осмотре тела князя В. Палей, сохранилось удостоверение, полученное им в этот день: «Удостоверение Царско – Сельского Совета Р. И С. Депутатов от 16–го марта 1918 г. № 6965 выданное на имя Владимира Павловича Палея, гласящая, что он сын б. Великого Князя Павла Александровича Романова» .

Всем ссыльным были вручены удостоверения следующего содержания: «Удостоверение, выданное 29 марта с/г за № 331 Чрезвычайной комиссией по борьбе с контр–революцией и саботажем и спекуляцией при Петроградском Совете Р. и С. депутатов на имя Иоанна Константиновича Романова о высылке его в пределы Вятской губернии не как лица, замешанного в политических преступлениях, а лишь в целях предупреждения и пресечения» . «Удостоверение, выданное чрезвычайной комиссией по борьбе с Контр – революцией, Саботажем и Спекуляцией при Петроградском Совете Р. и С. депутатов 29 марта 1918 г. за № 335 на имя Владимира Павловича Палея о высылке его в пределы Вятской губернии, как лица, в целях предупреждения и пресечения» – в ЧК не особо озадачивались обоснованием причин ссылки Романовых, считая, что их происхождение уже и есть к этому неопровержимый довод. Такие же удостоверения обнаружены среди документов остальных алапаевских пленников, за №№ 334, 335, 338.

На следующий день Романовым выдали удостоверения на право выезда и въезда в г. Вятку: «Удостоверение, выданное чрезвычайной комиссией по разгрузке Петрограда при Петроградском Совете Р. и С. Депутатов 30 марта с/г за № 11322 на имя I. К. Романова на право выезда в г. Вятку». «Удостоверение, выданное чрезвычайной комиссией по разгрузке Петрограда 30–го марта 1918 г. № 11922 на имя В. Палея на право въезда в г. Вятку» .

Лица, сопровождающие Романовых, получили удостоверения только на въезд в город: «Удостоверение, выданное чрезвычайной комиссией по разгрузке Петрограда 1-го апреля 1918 г. № 12564 на имя Ц. Круковского на право въезда в г. Вятку» .

Впервые вместе алапаевские пленники, за исключением великой княгини Елизаветы Федоровны и ее спутницы, Варвары Яковлевой, собрались на железнодорожном вокзале Петрограда, откуда они следовали к первому месту их ссылки – в Вятку.

«У вагона с багажом Сергей Михайлович» – первый, кого увидела Ольга Валерьевна на вокзале, провожая сына в невозвратный путь. О нем из ссылки Владимир Палей напишет матери: «Знали бы вы, мои милые, как несправедливы к дяде Сереже! Человек он совершенно замечательный, золотое сердце! А память, а эрудиция! Как много он мне помогает в работе над пьесой. Он мягок и глубоко несчастлив всю жизнь» .

Здесь же были трое сыновей Константина Константиновича Романова, известного поэта, печатавшегося под псевдонимом «К.Р.». В кругу родственников многочисленное потомство великого князя - две дочери и шесть сыновей – называли «Константиновичи». В первый год войны, в возрасте 22 лет, погиб на фронте любимый сын великого князя, Олег. Он, как и отец, писал стихи и, как ни в ком другом Константин Константинович ощущал в нем родственную душу. О гибели других сыновей великий князь не узнает, он умрет через год после смерти Олега, в 1915 г. Но горькую участь старшему, Иоанну, он предсказал словами колыбельной, которую написал для него еще за 31 год до трагических событий.

Колыбельная песенка

Князю Иоанну Константиновичу

Спи в колыбели нарядной,

Весь в кружевах и шелку,

Спи, мой сынок ненаглядный,

В теплом своем уголку!

В тихом безмолвии ночи

С образа, в грусти святой,

Божией матери очи

Кротко следят за тобой.

Сколько участия во взоре

Этих печальных очей!

Словно им ведомо горе

Будущей жизни твоей.

Спи же! Еще не настали

Годы смятений и бурь!

Спи же, не зная печали,

Глазки, малютка, зажмурь!...

Мраморный дворец. 4 марта 1887.

Отсюда, с Петроградского вокзала, уезжали Константин Константинович, Игорь Константинович и Иоанн Константинович с женой, Еленой Петровной - дочерью сербского короля Петра. Иностранное подданство спасло Елене Петровне жизнь, после многих мытарств, уже после смерти мужа, ей удалось уехать за границу.

30 апреля Владимир Палей отправил матери телеграмму, о том, что их приказом московского начальства переводят из Вятки в Екатеринбург: «Удостоверение, выданное комиссаром города Вятки 30 апреля 1918 г. на имя Владимира Павловича Палея на право проезда в г. Екатеринбург» . Туда уже перевезли из Тобольска царскую семью. В отличие от нее остальные Романовы все еще относительно свободны. Владимир пишет матери, что часто ходит вокруг Ипатьевского дома, в надежде увидеть кого-нибудь из семьи императора.

18 мая 1918 г. всех Романовых из Екатеринбурга, за исключением царской семьи, перевезли в Алапаевск. К ним уже присоединилась сестра императрицы, Елизавета Федоровна с двумя послушницами Марфо–Мариинской обители.

Первое время в Алапаевске пленники также были сравнительно свободны, им были выданы удостоверения, они могли свободно передвигаться по городу, ходить в церковь.

«Письменное разрешение алапаевского Комиссара Юстиции Соловьева и Военного Комиссара Павлова от 2-го июня 1918 года данные Великим Князьям Сергею Михайловичу и Елене Петровне на право служения молебна в кладбищенской церкви» .

«Удостоверение, выданное Алапаевским комиссаром по Управлению 21 мая [19]18 г. за № 1917 на имя б. Князя Игоря Константиновича Романова с надписью «только по Алапаевску» .

В ночь с 12 на 13 июня 1918 г. в Перми был убит брат Николая II, Михаил Александрович, возможный кандидат на царский трон. Большевики преподнесли это убийство как побег, чтобы ужесточить меры по отношению к остальным Романовым. Алапаевским пленникам ссылку заменили на тюремный режим. Видимость законности пока соблюдалась. У заключенных изымаются деньги и ценные вещи под видом передачи на хранение, в чем выдаются соответствующие расписки: «Расписка Алапаевского Комиссара Юстиции Е. Соловьева от 20-го июня [19]18 г. в принятии от князя Палея на хранение денег в сумме 3 470 руб». «Расписка Алапаевского комиссара Юстиции Е. Соловьева от Иоанна Константиновича Романова денег в сумме 4 480 руб. от 20 июня 1918 г.».

После перевода алапаевских пленников на «особый режим» был получен приказ об отправлении в Екатеринбург лиц, сопровождавших Романовых. Были отправлены послушницы, прибывшие в Алапаевск с Елизаветой Федоровной: «Удостоверение на право проезда из Алапаевска в Екатеринбург во 2-ом классе на 2-х человек, выданное Е. Соловьевым 24 июня [19]18 г.». Удостоверение было выдано Варваре Яковлевой и Екатерине Янышевой. Послушницы просили отправить их из Екатеринбурга обратно в Алапаевск, к великой княгине, но настоять на своем удалось только Варваре. Через два дня она вернулась в Алапаевск, чтобы навсегда остаться со своей наставницей. «Удостоверение на имя Яковлевой 26 июня 1918 г. № 2096 на право проезда со ст. Екатеринбург до ст. Алапаевск» .

Федор Семенович Ремез, по настоятельной просьбе Сергея Михайловича, был оставлен в Алапаевске. Трудно сказать, остался ли бы он в живых, покинув князя. Многие из лиц, близких по роду своей деятельности к императорской фамилии, были впоследствии также расстреляны, невзирая на происхождение. Слуге В. Палея - Ц. Круковскому удалось благополучно добраться до Петрограда. Он отвез последнее письмо Владимира матери, в котором тот писал в том числе: «P.S. Приветьте Круковского, парень ходил за мной как нянька, до последней минуты. Его отсылают. А у меня нет ни гроша для него. Дайте ему денег, прошу вас» . Круковский получил вознаграждение за службу и собирался уехать в Польшу. О гибели Владимира он ничего не сказал, возможно, и не знал. Отец Владимира, Павел Александрович Романов, будет расстрелян, так и не узнав о гибели сына. Ольге Палей о происшедшем в Алапаевске напишет Елизавета Маврикиевна , мать троих погибших в Алапаевске сыновей – Иоанна, Константина и Игоря. Письмо ее Ольга Палей получит уже в Финляндии, куда ей удалось бежать после расстрела мужа, за жизнь которого она так боролась.

Непосредственно перед тем, как алапаевских пленников повезут на место казни, у них будут забраны на «хранение» оставшиеся деньги и ценности, в чем им будут цинично выданы расписки. «Обрывок бумажки с распиской в принятии 5 руб. 50 коп. П.К. Старцевым от 17 июля 1918 года». На другой стороне расписки – стихотворение Владимира Палея. Изымались деньги и ценные вещи: «Расписка Начальника Советской охраны Петра Константиновича Старцева, выданная 17 июля [19]18 года в получении от Ремез денег 1 000 (тысяча рублей), часов металлических и двух золотых колец» . Это были последние расписки, полученные алапаевскими пленниками.

О расследовании по делу великих князей. Войска Колчака заняли город 28 сентября 1918 г. О трагедии в Екатеринбурге уже было известно. Поэтому И.А. Смолиным был отдан приказ местной милиции о розыске князей. О том, что они были казнены, сомнений, несмотря на все уловки большевиков, уже не было.

Первыми, кто принял на себя тяжесть расследования Алапаевской трагедии, были начальник вновь сформированной милиции Алапаевского района штабс-капитан Анатолий Константинович Шмаков, милиционеры Тихон Павлович Мальшиков и Федор Алексеевич Селюнин. «Получив от Вас приказание постараться определить места казни Великих Князей, я, посредством комбинаций и подбора слухов, решил исследовать шахты, находящиеся в 1 версте от г. Алапаевска, по дороге в В.–Синячихинский завод», – пишет Шмаков. О первых сведениях «по делу Великих князей» он пишет рапорт на имя Командира Западной Колонны Войск Временного Сибирского Правительства Полковника И.А. Смолина 10 октября 1918 года: «В ночь с 17-го на 18-е июля сего года б. Великий Князь, бывший с ним доктор Ремезов, его дети, супруга и фрейлины, содержащиеся в Напольном училище под строгим надзором – исчезли неизвестно куда. Утром 16 – го? (моё) июля по г. Алапаевску были расклеены объявления (заготовленные в 2 часа ночи), в которых сообщалось о том, что князья были похищены бандой белогвардейцев, что из них удалось скрыться всем, кроме одного убитого, скрыться без следа. Но в то же время стали упорно передаваться слухи о том, что объяснение Совдепа – грубый обман, что князья не бежали, а были связаны и увезены на 14 подводах лошадей «Советскими работниками» и живыми сброшены в шахту около В. Синячихинского завода ..., говорили, что князья плакали, прося убить их, но не бросать живыми, молили пощадить детей и т.п.» . В процессе расследования многое из написанного Шмаковым будет опровергнуто.

Из показаний свидетеля К.В. Трушева, допрошенного следователем Сергеевым: «Весь этот поезд – имеются в виду повозки с пленниками – направлялся от Алапаевска к

Синячихе и попался мне версте на пятой от Алапаевска. Ни криков, ни разговоров, ни песен, ни стонов – вообще никакого шума я не слышал: ехали все тихо – смирно» .

Были опровергнуты слухи, что в шахту князей сбрасывали живыми.

После проведения судебно–медицинского вскрытия будет установлено, что пленников сбрасывали в шахту, нанеся им смертельные удары. Во время работ в шахте 10 октября 1918 г. рядом с телами убитых, наряду с другими предметами, найдено предположительное орудия убийства – «широкий топор с коротким топорищем» .

По просьбе И.А. Смолина Шмаков отправляет ему копии с протоколов по «делу Великих князей» 19 октября 1918 г., которые тот, в свою очередь, уже 24 октября, переправляет генерал–майору В.В. Голицыну, начальнику Екатеринбургского гарнизона, под чьим непосредственным контролем идет расследование убийств царской семьи и других Романовых . Но отправленные Голицыну документы уже значительно отличаются от копий, отправленных Шмаковым. Сравнивая варианты копий «Дела Великих князей», приведем фрагменты рапорта о приходе Сибирских войск в Алапаевск:

Из текста из красноярской рукописи: «Наконец ненавистная власть была свергнута. Стали всплывать понемногу темные дела большевиков» .

Из текста опубликованного документа: «Наконец этот светлый день наступил. Наружу стали всплывать темные, грязные дела порабоцевавших – красных бандитов» .

Но уже не Шмакову принадлежит «цветистый текст», как предполагает автор комментария «Расследование цареубийства. Секретные материалы». «Цветистость» текст приобретет в руках дальнейших копиистов.

При сопоставлении текстов опубликованного документа и рукописной копии, видно, что документы, переданные генерал–майору Голицыну, отредактированы, внесены факты, которые были выяснены позднее. Прописаны имена и отчества казненных. Возможно, что это редакция самого полковника Смолина, возможно, более ранняя. Сравнивая рукописную копию из фондов Красноярского музея с опубликованными документами, следы редактирования мы можем обнаружить и в протоколах, составленных при обнаружении и извлечении тел из шахты.

Так, Федор Михайлович Ремез был первым из обнаруженных жертв. В рукописной копии он значится как врач великого князя Сергея Михайловича, поскольку для местных жителей и властей он и являлся врачом: «На фотографии, найденной среди прочих документов и сходству трупа с нею (он почти не разложился, только почернел), установлено, что это врач великих князей, Федор Семенович Ремез» .

В опубликованном документе мы уже видим его официальную должность, нет сноски на фотографию: «По документам, найденным при трупе, он оказался управляющим делами Великого Князя Сергея Михайловича – Федором Семеновичем Ремез» .

Шмаков регулярно отчитывается перед Смолиным о ходе работ, включая в свои рапорты подробнейшее описание найденного:

«Г. Командиру Западной Колонны

Войск Временного Сибирского

Правительства Полковнику Смолину

Рапорт

9 октября. Милиционеры, указанные в рапорте № 53 и наряд рабочих из Н. Синячихинского завода, продолжая расчищать шахту, около 12 часов дня в ходовом отделении шахты открыли труп мужчины на глубине 18 аршин. Одет в костюм

темно–серого цвета. Голова завязана белым платком. На ногах ботинки красной кожи. По документам труп оказался бывшего Великого князя В.П. Палей. В правом внутреннем кармане пиджака найдены следующие документы:

1. Бумажник красной кожи ср. раз. – 1 шт.

2. Платок синяя клеточка – 1 шт.

3. Коробка спичек – 1 шт.

4. Карандаш черный – 1 шт.

5. Портмоне черной кожи – 1 шт.

6. Берестяная рамка (от фотографии) – 1 шт.

7. Игральных карт – 4 лист.

8. Денег марками на 24 коп.

9. Серебряная монета в 20 коп. – 1 шт.

10. Ключей среднего размера – 2 шт.

11. Образок маленький – 2

12. Застежка металлическая – 1 шт.

Всего перечень включает 30 наименований, среди них, под № 28 – «Обрывок бумаги с рисунком, изображение карандашом с надписью «В.П. Алапаевск 1918 г.» .

В опубликованных документах эти протоколы весьма сходно передают содержание, которое содержится в рукописной копии.

Но в отдельных случаях изменена последовательность излагаемых событий.

В частности: «Около 12 часов дня около 12 часов дня в ходовом отделении шахты открыли труп мужчины на глубине 18 аршин. Одет в костюм темно-серого цвета. Голова завязана белым платком. На ногах ботинки красной кожи. По документам труп оказался бывшего Великого князя В.П. Палей» . Продолжая работу около 2-х часов дня был найден труп женщины в ходовом отделении шахты. Который по метке на белье и найденным при трупе документам оказался В. Яковлевой (или фрейлины или монахини, бывшая при Великой княгине Елизавете Федоровне) .

По изданным документам тела князя Владимира Палея и Варвары Яковлевой были обнаружены практически одновременно:

«На глубине 18 аршин в ходовом отделении откопан труп 1/мужчины и 2/женщины» .

Во всех запротоколированных ситуациях обозначена должность Ефима Соловьева как комиссара юстиции (как он и представился алапаевским пленникам при их первой встрече). В опубликованных документах он фигурирует только под фамилией, как впрочем, и Военный комиссар Павлов.

«Письменное разрешение алапаевского Комиссара Юстиции Соловьева и Военного Комиссара Павлова от 2-го июня 1918 года данные Великим Князьям Сергею Михайловичу и Елене Петровне на право служения молебна в кладбищенской церкви» .

Дальнейший сравнительный анализ опубликованных документов и рукописи позволяет убедиться, что найденная копия протоколов из фондов Красноярского музея по делу расследования убийства бывших великих князей – одна из первых и наиболее близка к первоисточнику.

В процессе изучения «протоколов» пришлось обратиться к опубликованным источникам, исследованиям по «царскому делу», мемуарам. В публикациях, даже самого следователя Н.А. Соколова, встречаются явные искажения. «На груди Великой княгини Елизаветы Федоровны была икона спасителя с драгоценными камнями. На обороте иконы надпись «Вербная суббота 18 апреля 1891» . По моим сведениям, перед иконой этой молился Государь перед отречением от престола и передал ее затем Елизавете Федоровне» . Зная хронику этих дней, нетрудно понять, что такого момента просто не могло быть. К тому же, в последние годы, особенно после убийства Распутина, отношения Елизаветы с царским семейством были не очень теплыми.

В другом случае, в комментариях «секретных материалов», Прищеп указывает якобы на ошибку Н.А. Соколова, который неправильно указывает титул Владимира Палея «князь вместо графа» . Но еще в 1915 г. царским указом графине Гогенфельзен (матери Владимира) и ее детям были пожалованы княжеский титул и фамилия Палей. «Владимир Палей с самого детства привык к заботам приехавшего теперь с ним в Алапаевск Ц. Круковского» пишет Олег Шамрицкий в статье «Романовы в Алапаевске» . Но Круковский – молодой человек, практически ровесник Владимира. Мать Владимира подыскала для сына попутчика в ссылку, и он, Владимир, не мог «привыкнуть с детства к его заботам» . Таких моментов множество. И нет гарантии, что автор данной статьи их не допустил. Эти ошибки говорят о новизне темы, о недостаточной доступности источниковой базы, о поспешности изложения авторами непроверенных фактов.

Вероятно, что наряду с документами государственных архивов, с которых сегодня снят гриф «секретно», в научный оборот поступит немало документов из коллекций музеев, библиотек, частных собраний, и этот материал даст возможность дописать недостающие сюжеты нашей истории с большей достоверностью.

Список литературы

Палей О.В. Воспоминания о России. М., 2009.

Романов Г.К. В мраморном дворце: воспоминания. М., 2005.

К.Р. Избранные Лирические стихотворения с биографией и портретом августейшего автора. Петроград, 1915.

Соколов Н.А. Убийство царской семьи. Тула, 1990.

Расследование цареубийства. Секретные документы. М., 1993.

You can read completely article in the russian historic-archival magazine “The Herald of an Archivist”. Read more about terms of subscription [here](#) .

Полностью материал публикуется в российском историко-архивоведческом журнале ВЕСТНИК АРХИВИСТА. Ознакомьтесь с условиями подписки [здесь](#) .